

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Б. Х. КАРМЫШЕВА, Е. М. ПЕЩЕРЕВА

МАТЕРИАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ТАДЖИКОВ НУРАТИНСКОГО ХРЕБТА

Население Нуратинского хребта очень мало исследовано в этнографическом отношении. Краткие этнографические сведения имеются лишь у А. П. Хорошкина¹ и М. С. Андреева². Я. Г. Гулямов, проводивший археологические изыскания в этом районе, дал описание древней системы ирригации³. Вопросы ирригации касается в своей работе и А. Бабаханов⁴.

Сведения об этническом составе населения Нуратинского хребта имеются в статистических материалах конца XIX и 20-х годов XX в.⁵

Разносторонние этнографические исследования среди таджиков селения Нураты проводились А. К. Писарчик, а западные соседи интересующей нас группы таджиков, так называемые нуратинские туркмены, изучались этнографом В. Г. Мошковой и антропологом В. Я. Зезенковой. Однако район расселения таджиков на Нуратинском хребте ими не был обследован⁶.

Авторы настоящего сообщения посетили таджиков Нуратинского хребта в 1959 г. (в составе Зеравшанского отряда Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР). Кроме того, В. Х. Кармышева в 1960 г. в составе того же отряда посетила те селения, в которых не удалось побывать в предыдущем году⁷. Эти

¹ А. П. Хорошкин, Кзыл-кумский дневник, «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края». СПб., 1876, стр. 398—402.

² М. С. Андреев, Из поездки в 1916 г. в Нур-Атинские горы и прилегающую к ним часть Кзыл-кумов. Архив Ин-та истории АН ТаджССР.

³ Я. Г. Гулямов, К изучению древних водных сооружений в Узбекистане, «Изв. АН УзССР», 1955, № 2, стр. 63 и сл.

⁴ А. Бабаханов, О некоторых древних водохозяйственных сооружениях Узбекистана, «Изв. Отделения обществ. наук АН УзССР», 1959, № 4, стр. 42—45.

⁵ «Материалы для статистики Самаркандской обл. 1887—88 гг.», вып. I, Самарканд, 1890, стр. 219, 220; «Материалы Всероссийских переписей 1920 года. Перепись населения в Туркестанской Республике», ч. I, в. V. Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924, стр. 35—37; «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I, Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I «Бухара», Ташкент, 1926, стр. 192, 201, 215—216, 231.

⁶ Библиографию о нуратинских туркменах см.: В. Г. Мошкова, Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. «Материалы по археологии и этнографии Узбекистана», Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 135—158.

⁷ Полевые записи авторов хранятся в архиве Ин-та этнографии АН СССР (Е. М. Пещеревой — в Ленинграде, Б. Х. Кармышевой — в Москве).

поездки носили рекогносцировочный характер и материалы никак не претендуют на полноту.

Нуратинский хребет был в течение многих веков барьером на пути кочевников, двигавшихся из обширных степей и пустынь в Мавераннахр. Поэтому этнический состав населения Нуратинского хребта и прилегающих степей является, как это отмечено еще М. С. Андреевым, чрезвычайно сложным: наряду с узбеками и казахами, принадлежавшими в прошлом к разным родам и племенам, сохранилось здесь и таджикское население.

Таджикские кишлаки располагаются компактной группой в средней, наиболее высокой, части хребта (между $66^{\circ}33'$ и $66^{\circ}55'$ вост. долготы) по горным ущельям обоих его склонов. Крайним селением на северо-западе является кишлак Кескан, крайним на юго-востоке — Фариш. Расстояние между ними около 75 км. До 1930-х годов здесь было около полутора десятков таджикских селений. За последние 30 лет значительная часть таджиков переселилась на земли нового орошения. На месте осталась часть населения пяти таджикских селений: Фариш, Ухум, Сентаб (включая Хисор), Эдж и Кескан. Все они расположены на северо-восточном склоне хребта.

Ближайшим к изучаемой группе островком таджикской оседлости среди сплошного тюркоязычного населения являются три больших селения — Нурата, Газган и Дехибаланд, расположенные на северных отрогах хребта Актау, идущего параллельно Нуратинскому хребту. Жители этих селений, по культуре и быту несколько тяготеющие к Бухаре, таджиков изучаемой группы отличают от себя, называя последних горцами (*тоғчи*)⁸.

По образу жизни и отчасти по своему антропологическому типу (рис. 1) таджики Нуратинского хребта имеют большое сходство с горными таджиками верховьев Зеравшана. Даже говоры большинства кишлаков (что особенно заметно как в лексике, так и в произношении женщин) приближаются к горным зеравшанским говорам. Это, в частности, выражается в растягивании гласных⁹.

Несмотря на это, таджики Нуратинского хребта в 1872 г., к большому удивлению А. П. Хорошхина, относили себя к некоторым узбекским племенам. Они двуязычны: родной язык таджикский, но все свободно владеют и узбекским. В настоящее время они считают себя по национальности таджиками, однако старики продолжают причислять население каждого ущелья к тому или иному узбекскому племени (см. табл.).

Происхождение этой группы таджиков и вопрос о том, почему они причисляют себя к узбекским племенам, остается неясным. А. П. Хо-

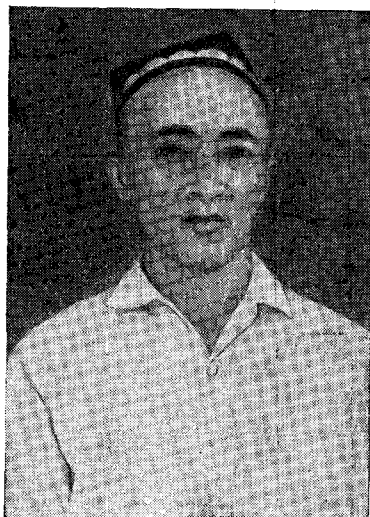

Рис. 1. Таджик из кишлака Ухум.
Фото Г. П. Снесарева

⁸ Термины и этнонимы даются соответственно в современной графике языков Средней Азии.

⁹ Жители трех из семи кварталов селения Эдж (Пшох, Авго, Кургон) даже получили от соседей прозвище *угут* (еврей) за чрезмерное растягивание гласных, что характерно для говора среднеазиатских евреев Самарканда.

Название селения и число дворов (1926)	Название кварталов	Название авлодов (джамоа)	Предания о происхождении	Название селения и число дворов (1926)	Название кварталов	Название авлодов (джамоа)	Предания о происхождении
Фариш (Фораш) 156	Работ Курган	Кишлаки Кольмаки Караулбегги Махамат-замони	Считают себя отджичившимися узбеками, известны под прозвищем Мултони. (Мултони — одна из групп среднеазиатских цыган.)	Сентаб и Хисор 445	Ашур Байрами Хисор Баланди-шум Тошми Даракоу Гобун Паски Кургон Юкори Кургон Чими Гуфан Баланди Хаджи Рахмат	Муллои Солихи Хофиз Наджмиддини Тамури Бокни Султон-Хусин Едгори Айени Эшмахаммади Байрами Куромо	По одной версии Сентаб и Хисор основаны выходцами из Ичтихана; по другой: Муллои — потомки муллы из Бухары, который был женат на местной девушке, а Суллони — потомки местного жителя, который женился на сестре этого муллы.
Ухум 225	Кургон Юкары Ухум Орта Ухум Кую Ухум	Альбаки Султони Табаклы	Считают себя выходцами из Бухары. Одни из ворот Бухары будто бы назывались Укум. Отсюда и название кишлака.	Эдж 93	Фуджак (Калаи) Фоджак Баланди Гаргинон Болои Бохо Пшох Авго Кургон	Козыги Чальмаги Муллои Шохи	Козыги пришли сюда, отделившись от джарайкайчили; Чальмаги — потомки одного найденыша; Муллои — потомки муллы, прибывшего из Пенджикента; Шохи — потомки поданных легендарного Зумрад-шаха.
Хояти 82	Нет сведений	Нет сведений	Считались бывшими рабами ухумцев и своей землей в прошлом не имели				
Молжурум 147	Нет сведений	Сайфи Халачи Кунжсон	Известны под прозвищем Хардузд				
Андин	Нет сведений	Нет сведений	Отделились от ухумцев.				
Саф 45	Нет сведений	Нет сведений	Были известны под названием Ярмакорхо, т. к. мололи зерно на ручной мельнице	Кескан 115	Курук Махараут Тишми-сурх Уштури Сари-об Зайнок	Нет сведений	Нет сведений
Устук 119	Нет сведений	Козыги Нибзи Туржони Пираки	Туржони из Митана, а Пираки — из Ичкилизол	Сумбулак Бузругабат (Бузруг-ота) 73	Нет сведений Нет сведений	Нет сведений Нет сведений	Нет сведений Нет сведений

рошхин, приводя местные предания об их узбекском происхождении, считал это «весьма сомнительным, потому что эти мнимые узбеки, говорящие по-таджикски, окружены исключительно узбеками. Кто же влиял на них и от каких таджиков выучились они таджикскому языку?». Далее он подчеркивает, что наружность этих таджиков, а также обилие у них садов и «вообще более или менее культивированная жизнь... убеждает, что разбираемая нами народность есть — чистейшая гальча, т. е. горные таджики», «которые позаимствовали от окружающих узбеков только один обычай — выходить на лето из кишлаков в юрты и кочевать в окрестностях»¹⁰.

М. С. Андреев, основываясь на интересном топонимическом материале и на данных письменных источников, считал таджиков Нуратинского хребта остатком исконного таджикского населения, которое еще в эпоху монгольского завоевания заселяло не только горы, но и равнины, прилегающие к берегам Сыр-Дарьи, в той их части, которая расположена против Нуратинского хребта¹¹.

И. П. Магидович, автор раздела о национальном составе населения в Материалах переписи 1920 г. и в Материалах по районированию Средней Азии, не сомневаясь, что таджики Нуратинского хребта по своему происхождению узбеки. Он подчеркивает, что процесс ассимиляции таджиками тюрко-монгольских племен был довольно ощутимым явлением, и в доказательство этому приводит многочисленные данные, когда таджики во время обследования 1924 г. относили себя к тем или иным узбекским родоплеменным группам¹².

Нам думается, что происхождение таджиков Нуратинского хребта довольно сложно. Основу их, несомненно, составляет исконное таджикское население. Причисление же себя к тем или иным узбекским племенам явилось, возможно, результатом близкого общения в течение длительного времени лишь с народами, имеющими родоплеменное деление, которое еще недавно, до присоединения Средней Азии к России, играло существенную роль не только в быту, но и в политической жизни этих народов¹³.

Из пяти узбекских родоплеменных названий, зарегистрированных нами у местных жителей-таджиков, одно (*Богачили*) имеется у узбеков этого района, одно (*Чалаир*) — у казахов прилегающей к хребту части Кызыл-кумов и одно (*Найман*) — у узбеков и казахов. Жители кишлака Фариш считают себя таджиками, однако свое происхождение ведут от узбеков рода *Богадили* — одной из четырех родоплеменных групп так называемых нуратинских туркмен, поселившихся в Нуратинском межгорье в последней четверти X в.¹⁴ Нуратинские туркмены, как известно, уже давно были окончательно ассимилированы узбеками и считались одним из узбекских племен. Жители селения Моджурум и отделившегося от него селения Андигин считались найманами. Неболь-

¹⁰ А. П. Хорошхин, Указ. раб., стр. 398.

¹¹ М. С. Андреев, Указ. раб.

¹² «Материалы всероссийских переписей 1920 года», стр. 35, 37; «Материалы по районированию Средней Азии», стр. 192, 201, 202, 215, 216, 231—233.

¹³ История Средней Азии изобилует фактами, когда переселение в культурные оазисы больших групп кочевого и полукочевого населения с его патриархально-феодальными порядками приводило, наряду с упадком земледелия и городской жизни, к укреплению родоплеменной организации у тех групп местного населения, у которых она уже забывалась, и к восприятию ее частью оседлого населения, не имевшей родоплеменного деления. Таково, например, происхождение некоторых племен Южной Туркмении. См. А. А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России), Ашхабад, 1959, стр. 119.

¹⁴ В. Г. Мошкова, Указ. раб., стр. 143, 148.

шая группа узбеков-найманов проживала на северо-восточном склоне Нуратинского хребта примерно в 40 км к юго-востоку от Моджурума, оторванно от основной группы найманов, которая занимала южную часть Средней Зеравшанской долины (на запад от Самарканда). На основной территории найманы расселились в конце XVII — начале XVIII в., передвинувшись с низовьев Сурхан-Дарьи. Когда найманы попали на Нуратинский хребет — неясно. Не исключена возможность, что это произошло значительно раньше и независимо от основной группы найманов.

Трудно, конечно, с уверенностью сказать, что именно соседство узбеков-найманов повлекло за собой причисление таджиками себя к этому племени, однако это не исключено. Имеется немало фактов в истории народов Средней Азии, когда при набегах или совместной обороне многочисленные группы примыкали к более сильной и перенимали имя последней. Предания таджиков Нуратинского хребта изобилуют рассказами о нападениях со стороны степи на горные ущелья то калмыков, то чордаринских казахов, то живших к юго-западу от этих районов узбекских племен кырк и юз.

К подразделению *қайчили* узбекского племени джалаир (в местном произношении *джараил*) относит себя одна из групп населения кишлаков Эдж и Кескан. Это название встречается среди родоплеменных наименований казахов, живущих в прилегающих к Нуратинскому хребту районах Кызыл-кумов ¹⁵. Однако нам представляется более вероятным, что традиция относить себя к узбекам-джалаирам возникла не здесь, на месте, а принесена с берегов Сыр-Дарьи, откуда, несомненно, вышли предки части населения Нуратинского хребта, в их числе и части таджиков. Как известно, бассейн Ангрена (включая район Ходжента) был владением отюреченного монгольского племени джалаир с 1260-х до 1375 года, когда Тимур казнил за непокорность эмира этого племени, а джалаиры распределил по разным округам ¹⁶. Выше приводились слова М. С. Андреева о том, что в долине Ангрена жило много таджиков. По-видимому, они были в значительной степени вытеснены джалаирами в окрестные горы, но частично остались и на равнине. Вполне вероятно, что со временем название *джалаир* стало прилагаться населением соседних областей не только к собственно джалаирам, но и ко всем подданным их владения. Согласно местным преданиям, часть таджиков Нуратинского хребта — выходцы из присырдарьинских районов. Причем эти предания, по-видимому, довольно стойки. Так, например, нами записано то же предание, что и А. П. Хорошхиным почти сто лет назад: о происхождении одной из родовых групп (*авлод*) таджиков кишлака Устук из города Ичкилизол, когда-то находившегося на Сыр-Дарье между Чордара и Туркестаном ¹⁷. Из местности Ичкилик, находящейся «далеко за Сыр-Дарьей», ведут своих предков и узбеки Нуратинских гор ¹⁸. В этой связи интересно отметить, что А. П. Федченко в «Заметках о степи Кызыл-кум», говоря о развалинах городов между Чордара и Сыр-Дарьей, упоминает и «развалины у Ичкеле» ¹⁹. Среди нуратинских турк-

¹⁵ Список казахских родов, проживавших в Кызылжумской волости Джизакского уезда в 1916 г., составленный М. С. Андреевым, хранится в архиве Института истории и археологии АН УзССР; см. также полевые записи Б. Х. Кармышевой от 5 мая 1959 г.

¹⁶ «История Узбекской ССР», т. I, кн. I, Ташкент, 1955, стр. 307, 310, 326.

¹⁷ А. П. Хорошхин. Указ. раб., стр. 400.

¹⁸ М. С. Андреев. Указ. раб.

¹⁹ А. П. Федченко, Заметки о степи Кызыл-кум, «Путешествие в Туркестан», М., 1950, стр. 178—179. Урочище Чордара находится на левом берегу Сыр-Дарьи на 41°17' сев. шир.

мен также широко распространено предание об их переселении с Сыр-Дарьи²⁰, в частности из-под Туркестана «еще при жизни Хазрет-султана»²¹. На Туркестан, как на родину своего родоначальника, указывали нам и представители одной из родовых групп таджиков кишлака Ухум (почему эта группа будто и называется Султони).

В предании, записанном нами в Газгане, об основании этого селения, лежащего на границе с пустыней, говорится, что первыми поселенцами на здешних родниках были туркестанцы, отставшие от большого каравана, следовавшего из Туркестана в Бухару. Думается, что нельзя эти предания рассматривать лишь как дань популярности в изучаемом районе Ходжа Ахмеда Ясеви, так как вдоль северо-восточного склона Нуратинского хребта и далее через Нурату шел обходный (минуя среднюю Зеравшанскую долину) путь из присырдарьинских городов в Бухару.

Большой интерес представляют сведения, записанные нами от местных жителей о том, что земли селений Фариш, Ухум, Сумбулак и Саф были вакуфами мазара Ходжа Ахмеда Ясеви. Однако требуется проверить эти сведения по более достоверным источникам.

Не только население гор, узбеки и таджики, считали себя связанными по происхождению с присырдарьинскими районами, но и кочевое население пустыни: одна из групп живущих здесь казахов, происходящих из Среднего жуза, причисляла себя к роду *Суунақты қарағалпақ* (т. е. «сыгнакские каракалпаки»)²².

Что касается названий *Баҳрин* и *Сарой*, то трудно сказать, без специального изучения, что-либо достоверное о причинах бытования их у таджиков Нуратинского хребта. Не исключена возможность, что они были занесены в эти ущелья в конце первой четверти XVIII в., когда население Зеравшанской долины, доведенное до полного разорения в результате кровопролитных междоусобных феодальных войн, нередко покидало насиженные места. В эти войны были втянуты своим эмиром Абдулкаримом и бахрины (малочисленное узбекское племя, расселенное в основном в Кермининском оазисе). Они подверглись разгрому со стороны эмирских войск²³ и некоторые из них, возможно, бежали в ущелья

²⁰ В. Г. Мошкова, Этнографическая экспедиция к туркменам Самаркандской области, «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 241.

²¹ А. Д. Гребенкин, Узбеки, «Русский Туркестан», Сборник, изданный по поводу политехнической выставки, вып. II, М., 1872, стр. 105—106. А. Д. Гребенкин здесь ошибочно отождествляет Хазрет-султана с Тимуром, тогда как местное население этим именем называет Ходжа Ахмеда Ясеви.

²² Известно, что в конце XVI в. каракалпаки уже жили на средней Сыр-Дарье, в частности в окрестностях Сыгнака (см. Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 134, 136). Они были вынуждены оставить берега Сыр-Дарьи вместе с казахами Среднего жуза, когда в 1723 г. Казахское ханство подверглось нападению джунгар. Часть каракалпаков со средней Сыр-Дарьи совместно с казахами расселилась по юго-западным Кызыл-кумам, а другие продвинулись далее на юг, в долину Зеравшана и со временем слились с узбеками (см. Л. С. Голстова, Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР, «Сов. этнография», 1961, № 3, стр. 34—44; ее же, Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР, «Сов. этнография», 1961, № 5, стр. 44—51). Каракалпаки, расселившиеся в той части Кызыл-кумов, которая прилегает к Нуратинскому хребту, к настоящему времени слились с казахами. В материалах 1910-х годов они еще считаются каракалпаками (см. «Материалы по землепользованию туземного кочевого населения района Голодной степи и прилегающих местностей Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области», Ташкент, 1914, стр. 17; И. И. Зарубин, Население Самаркандской области, «Труды Комиссии по изучению численного состава населения СССР и сопредельных стран», вып. 10, Л., 1926, стр. 12), но сейчас они называют себя *қазақ-қарағалпақ*.

²³ Абдурахман и Тали, История Абулфейз-хана, перевод с таджикского А. А. Семенова, Ташкент, 1959, стр. 134—138.

окрестных гор. Так, например, небольшая группа бахринов была встречена нами в ущелье Авазсай на северном склоне хребта Актау (к югу от селения Нурата)²⁴. Но в то же время в упомянутом селении Газган под названием бахрин известна та именно «родовая» группа, представители которой считаются наиболее старыми насельниками, потомками туркестанцев, основавших этот кишлак.

В Средней Азии редко можно встретить селение, где бы не было отдельных групп пришлых жителей. Интересные материалы по этому вопросу дает обычно изучение кварталов отдельных селений или «родовых» групп их жителей. Рассматриваемые таджикские селения также делились на кварталы (здесь они назывались кишлаками), а население делилось на несколько «родовых» групп, в отношении которых употреблялись термины *уруф*, *авлод* или *чамоа*. Следует подчеркнуть, что названия этих групп не имеют ничего общего с названиями подразделений того узбекского племени, к которому население данного кишлака себя относит. Некоторые из авлодов считают себя аборигенами, среди других существуют предания о том, что родоначальник является человеком пришлым (см. табл.). Однако большинство преданий о пришлых родоначальниках носит легендарный характер, и это еще раз свидетельствует об исконности таджикского населения в ущельях Нуратинского хребта.

Узкие и глубокие ущелья Нуратинского хребта, если укрепить вход в них, могли служить достаточно надежным убежищем от нападений со стороны пустыни. Так оно и было. У входа в каждое ущелье есть остатки оборонительных сооружений (рис. 2). Замечательно, что население до недавнего времени жило в укрепленных селениях (*кургон*, или *қала*), расположенных в глубине ущелья на скалистой труднодоступной горе, куда обычно вела одна узкая тропа (рис. 3). Жители одних селений (Эдж, Моджурум) выселились из курганов в 1890-х годах, когда после присоединения Средней Азии к России прекратились набеги, а жители других селений — значительно позже. Сентабы, например, окончательно покинули курган только в 1940—1944 гг.²⁵, а в Ухуме на кургане и в наши дни есть несколько обитаемых домов.

Покидая курганы, жители селились небольшими группами на пологошаемых склонах ущелья. В результате в настоящее время в тех ущельях, где еще остается значительное количество населения, кварталы каждого селения протянулись цепочкой по обоим склонам ущелья, а по дну его зеленой лентой тянутся сады и виноградники.

Центральная часть Нуратинского хребта с прилегающей территорией (с востока пустыней Кзыл-кум, а с запада Нуратинским межгорьем) представляла собой небольшой, естественно сложившийся экономический микрорайон с селением Сентаб в центре, где располагался базар. Вследствие разнообразия природных условий здесь издревле сложились три различных хозяйственных типа. В пустыне казахи и каракалпаки вели кочевое скотоводческое хозяйство, разводя в основном овец и верблюдов²⁶. Узбеки (преимущественно из нуратинских туркмен), населявшие юго-западные пологие склоны Нуратинского хребта и широкое межгорное плато Уртачуль, занимались, наряду с отгонным скотоводством, поливным и особенно богарным хлебопашеством в довольно широких масштабах. Было развито у них, в качестве женского домашнего промысла, ковроткачество. У таджиков, занимавших северо-восточный

²⁴ Полевые записи Б. Х. Кармышевой от 29 апреля 1959 г.

²⁵ На кургане Сентаба еще совсем недавно, в 1920 г., была построена большая мечеть, здание которой сохранилось.

²⁶ «Материалы по землепользованию туземного кочевого населения», стр. 30—44.

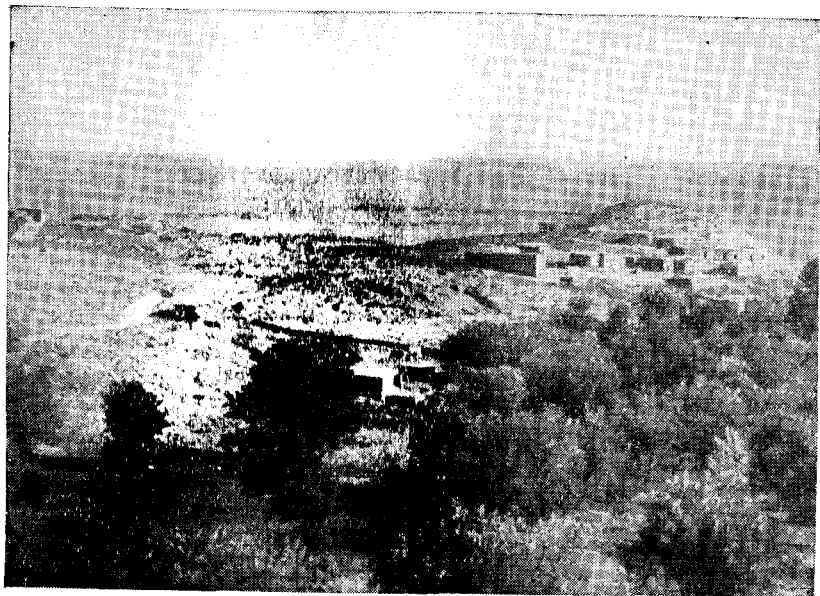

Рис. 2. Люляк — остатки крепости у входа в ущелье Каттасай. Фото А. А. Линденберга

Рис. 3. Кургон — покинутое поселение на обрывистом склоне ущелья (селение Сентаб). Фото А. А. Линденберга

обрывистый склон хребта, изрезанный узкими скалистыми ущельями, наряду с их основными занятиями — орошаемым хлебопашеством и отгонным скотоводством, были развиты садоводство, виноградарство и выращивание бахчевых культур. Однако таджики не могли полностью обеспечить себя хлебом и продуктами скотоводства, поэтому они занимались также выделкой хлопчатобумажных тканей и отхожим промыслом.

Базар в Сентабе, собиравшийся раз в неделю, особенно оживлялся осенью. Казахи пригоняли баранов для продажи или обмена, из узбекских кишлаков, расположенных по ту сторону хребта (в частности из Ахчаба и Джуша), поступал хлеб. Частично хлеб поступал и из некоторых таджикских кишлаков. В основном же таджики поставляли свежие фрукты, арбузы и дыни, а также ткани.

Между отдельными этническими группами, каждой из которых соответствовал определенный тип хозяйства, существовали тесные экономические связи, которые приводили к глубокому взаимовлиянию и сближению культур и, в то же время, позволяли каждой группе сохранить некоторые особенности культуры и быта. В частности, нам думается, поэтому и не растворилась среди окружающего иноязычного населения эта небольшая по численности группа таджиков.

Соотношение указанных видов занятий у таджиков не было одинаковым во всех селениях и варьировало в зависимости от особенностей природных условий каждого ущелья. Например, в ущельях Каттасай и Кичиксай очень мало воды для орошения, поэтому в селениях Эдж и Кескан, расположенных в этих ущельях, издавна было развито производство хлопчатобумажных тканей, а в Фарише относительное обилие воды позволяло выращивать не только пшеницу, но и хлопок, сорго и бахчевые. Хлопок у фаришцев покупали ткачи Эджа и Кескана, а знаменитые в округе фаришские арбузы через сентабский базар раскупались жителями других ущелий и особенно казахами.

Недостаток удобных покосов в горах ограничивал поголовье крупного рогатого скота — держали столько, сколько было нужно для сельскохозяйственных работ. В основном разводили курдючных овец, а также коз. Табунного коневодства не было. Исключение составляли два хозяйства в кишлаке Моджурум, которые имели небольшие табуны.

В садах преобладали те виды фруктовых деревьев, которые характерны для горнотаджикского садоводства: абрикосы, грецкий орех и тут (шелковица), а также виноградная лоза. Тут выращивали ради плодов, которые сушили, а затем перемалывали в муку, как это было принято у горных таджиков и у припамирских народов. Шелководство же появилось здесь только в годы коллективизации сельского хозяйства.

Виды огородных культур в прошлом были немногочисленны (три вида тыквы, свекла, репа, кориандр), но зато жители употребляли в пищу более 10 видов дикорастущих. Как и во многих других горных и предгорных районах Средней Азии, лук и морковь выращивались в редких хозяйствах, не во всех кишлаках. Огурцы здесь впервые посеял в 1900 г. выходец из Ходжента (ныне Ленинабад) ювелир по имени Шамсуддин. Помидоры, столь любимые теперь населением, впервые стал выращивать местный житель Мансур Абдушукуров с 1926 г. Он же с середины тридцатых годов стал сажать картофель, который до сих пор, однако, не получил широкого распространения.

Земледелие в описываемом районе имеет много своеобразных черт и требует специального изучения, поэтому ограничимся лишь перечислением основных видов земель и пастбищ, различаемых местным населением (описание ведется с нижней зоны к верхним).

Кум (буквально «песок») — пески Кзыл-кум, где в прошлом выпасали своих овец только казахи и каракалпаки.

Лойка (буквально «ил») — земли лиманного орошения, представляющие собой подгорную равнину (*кухноя*), узкой полосой (8—10 км ширины) протянувшуюся вдоль всего хребта и образовавшуюся в течение длительного времени наносами горных речек. Именно на лойка располагаются основные посевы зерновых культур. Поля на этих землях орошаются 2—3 раза в период таяния снегов в горах и во время весенних ливней, когда ущелья наполняются мутной водой (*кзыл су*), донося ее до полей. Земли эти находятся на расстоянии 15—20 км от кишлаков. В засушливые годы посевы на лойка не производятся, а земледельцы ограничиваются посевами в широкой части долины, т. е. у выходов ущелий, где небольшие участки полей орошаются родниковой водой (*қора су*). Такие земли называются *чашмакор*. Их много у выходов ущелий Фариша, Моджурума, Андигина и Ухума.

Чўл (буквально «степь») — предгорья; эта зона иначе называется *овул*, так как весной (с марта по май, пока вода родников доходит до этих мест) таджики выходят сюда со скотом, образуя аулы из нескольких юрт и шалашей. Эти места служат и осенне-зимними пастбищами для скота таджиков. Для зимовки в прошлом сооружались загоны (*қўр*) в виде круглых оград из камней.

Тагоб — пойма горной реки и прилегающие к ней участки склонов ущелья, орошаемые водой из реки²⁷. Здесь находятся сады, виноградники, огороды. На лето все население покидает кишлаки и поселяется в садах.

Яйлоқ — летние пастбища в горах, расположенные выше селений. Местами там имеются посевы люцерны и гороха. В прошлом на яйлок перекочевывала часть семьи (как и у других горных таджиков, женщины отправлялись для заготовки молочных продуктов, в том числе коровьего масла), а другая часть оставалась в садах. В горы на летовки, кроме таджиков, выходили со скотом и узбеки с противоположного склона хребта.

Пастбища в дореволюционное время находились в общественном пользовании, а покосы и орошаемая земля — в частном владении.

Вода в горных речках и родниках уже к началу лета сильно убывает, поэтому в прошлом для орошения земель тагоба в каждом селении устанавливалась строгая очередность. Например, в ущелье, где было два больших селения, Сентаб и Хисор, все хозяйства были разделены на 10 авлодов, или джамоа. Внутри авлодов каждое хозяйство получало воду также по очереди. В кишлаке Ухум воду скапливали в два водоема (*хавз*), по одному на каждой стороне ущелья. Затем в течение шести дней получал воду авлод Альбаки, а в следующие шесть дней — два авлода, Султони и Табаклы, число хозяйств которых вместе соответствовало числу хозяйств авлода Альбаки. На каждые шесть хозяйств отпускался один хавз воды. Распределение на шестерки производилось по родственному признаку, а очередность устанавливалась по жребью.

По словам стариков, в таджикских кишлаках крестьян, которые имели пару волов и могли вести самостоятельное хозяйство, было меньше половины. Большинство же крестьян бывало вынуждено прибегать к различным формам издольщины.

Большим подспорьем было отходничество. Крестьяне старались к середине августа закончить уборку урожая и отправиться в богатые

²⁷ О термине *тагоб* см.: Б. Х. Кармышева, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXXIII, М., 1960, стр. 55—56.

земледельческие оазисы долины Зеравшана и частично в Ташкентский оазис. Отходники работали сначала на уборке зерновых. После окончания этой работы, в сентябре, навещали семью, а потом снова уходили на уборку риса и хлопка. Возвращались обычно в ноябре, после окончания уборки хлопка. Кроме работы на уборке, нанимались и на другие тяжелые работы, как, например, обмазка крыш.

Отхожий промысел назывался *навқон*²⁸. На заработки отправлялись артелями в десять и более человек, избрав из своей среды главного — *саркор*. В артель на равных правах входили и мальчики, которых отцы и братья (а то и деды, так как ходили и довольно пожилые люди) с 10—12 лет уже начинали брать с собой. Заработок делился поровну, несмотря на то, что мальчики в основном занимались подсобными работами (смотрели за ослами, носили воду и т. п.), но в сборе хлопка они участвовали. Лишь изредка хлопок собирал каждый член артели отдельно и плату получал за собранное им самим. За жатву пшеницы плату получали исходя из количества высеянных семян. Такие артели бытовали и в других местах Средней Азии, например в Ферганской долине, где таджики ходили на жатву хлебов в селения предгорьев Туркестанского хребта²⁹.

Были и другие виды отходничества. Жители кишлаков Эдж и Кескан отправлялись на всю зиму заниматься ткачами в города. Если в семье было двое мужчин, один отправлялся на заработки, а другой занимался ткачеством дома.

Окончательно обедневшие крестьяне уходили ранней весной наниматься батраками, преимущественно в районы Катга-кургана и Пайшанбе.

Своеобразный вид отходничества бытовал, наряду с навконом, в большом кишлаке Ухум. Здесь с давних пор вплоть до коллективизации было небольшое медресе, здание которого находилось на кургане. Молодые люди, окончив курс обучения и получив благословение учителя отправлялись наниматься в качестве имамов в казахские аулы и в кишлаки полукочевых узбеков. Имам руководил молением в мечети, отправлял требы и обучал детей. Обычно заключался устный договор с старшиной данного аула или кишлака на срок не более года. При согласии обеих сторон договор возобновлялся³⁰.

Отдаленность от городских центров поддерживала вплоть до развития советской торговли такой вид домашнего промысла, как ткачество. Как уже отмечалось, на ткачестве специализировались жители кишлаков Эдж и Кескан. Вырабатывали хлопчатобумажное полотно *карбос* и полосатые ткани — *алоча* и *қалами*. В остальных кишлаках изготавливали пряжу, которую обменивали на ткань. Правда, в кишлаке Сентаб тоже ткали, но далеко не во всех семьях, да и то лишь *карбос*. Хлопок в очень незначительном количестве засеивался на землях чашмакор (местный сорт *фуза*), в основном же привозился отходниками, получавшими при сборе хлопка плату волокном. Хлопок частично поступал на сентабский базар, но большей частью перерабатывался на пряжу, которая в виде мотков (*калова*) обменивалась на ткани непо-

²⁸ Навкон — буквально «колосья пшеницы, осыпающиеся на землю во время жатвы».

²⁹ Н. Н. Ершов, Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк). Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXVIII, Сталинабад, 1960, стр. 55—56.

³⁰ Ухум не был исключением, имелись и другие, преимущественно горные таджикские кишлаки в Фальгаре, Матче и др., которые служили своего рода поставщиками имамов для узбекских кишлаков и казахских аулов.

средственно у ткачей Эджа и Кескана или на сентабском базаре. Прядение хлопкового волокна, которое производилось на прялке *чарх*, было, как и всюду в Средней Азии, только женским делом, ткали же почти исключительно мужчины.

В кишлаке Эдж было несколько красильщиков. Индиго покупали у торговцев, приезжавших из Бухары, желтый цвет давала желтянка, кожура грецкого ореха — черный, а корка граната — бурый цвет.

Изготовление тканей из шерсти на горизонтальном станке *урмак* было также женским занятием. Ткали грубую полосатую ткань для мешков, торб и паласов, а также более тонкую для чекменей. Из орнаментированных изделий таджички умели ткать лишь полосы различной ширины для скрепления остова юрты и его войлочного покрытия. Однако узорное ткачество было распространено не во всех селениях. Например, в Фарише его не знали, да и в Ухуме знали только некоторые женщины.

Войлоки приобретали у казахов, но частично изготавливали и сами. Они бывали двух видов: одноцветные — для покрытия юрт и орнаментированные (*намади гүлдор*), с вкатанным узором, — для устилания пола в жилище. В селениях были свои кузнецы и деревообделочники.

Ограниченность водных ресурсов не позволила таджикам Нуратинского хребта в советское время расширить свое земледельческое хозяйство. Поэтому они охотно переселились в 1940 и 1954 гг. на земли нового орошения, преимущественно в присырдарьинские районы. Оставшиеся хозяйства вошли в состав крупных каракулеводческих совхозов, основные пастбищные территории которых находятся в Кызыл-кумах. В совхозах таджики работают в той области хозяйства, которая для них является традиционной, — выращивают зерновые и кормовые культуры и ухаживают за крупным рогатым скотом, — тогда как овцы в Кызыл-кумах выпасают казахи и отчасти узбеки. Кроме того, таджики освоили новое для них в этих местах занятие — шелководство.

Совхозные поля и бахчи находятся на землях лиманного орошения и на землях чашмакор, а орошаемые земли в ущельях (тагоб) отведены под приусадебные участки.

Сельскохозяйственные работы на совхозных землях механизированы. Только на горных пастбищах, где имеются посевы люцерны, пахут волами, а убирают урожай вручную. Рабочий скот находит также применение при обработке садов и огородов на землях, расположенных в узких ущельях и на крутых склонах.

Материальная культура изучаемой группы таджиков представляет большой интерес для исследователя, являясь синтезом горнотаджикской оседлой культуры с культурой недавних кочевников и полукочевников, казахов и узбеков.

Выше отмечалось, что таджики после присоединения Средней Азии к России и особенно за годы советской власти постепенно покинули свои старые поселения, расположенные в глубине ущелий, в труднодоступных местах, и расселились по их склонам. Характерной особенностью домов как покинутых селений, так и современных является то, что они сплошь сложены из темных, почти черных камней, плотно подгоняемых один к другому (рис. 4). Дверные проемы, ниши, закрываются с минимальным применением дерева, заменяемого каменными плитами. В настоящее время внутренние, а иногда и наружные стены домов покрываются глиняной штукатуркой (штукатурка появилась в XX в.), но как в старых поселениях, так и в современных наиболее искусно сложенные дома имеют нештукатуренные наружные стены, украшаемые одним или двумя рядами белых камней.

Для старых поселений-курганов характерна неправильная разноразмерная планировка как жилых, так и хозяйственных помещений, а также небольшие их размеры, что объясняется, по словам жителей, недостатком на курганах места для жилья. В домах имелись нередко по 3—4 и более смежных помещений. Жилым было дальнейшее от входа, а в ближних находились утварь, хозяйственные запасы и скот. В некоторых частях покинутого кургана Сентаба обращают на себя внимание остатки домов с несколькими очень вытянутыми и узкими жилыми помещениями, дверные проемы которых выходят в узкий проход. Планы их напоминают планы согдийских домов³¹.

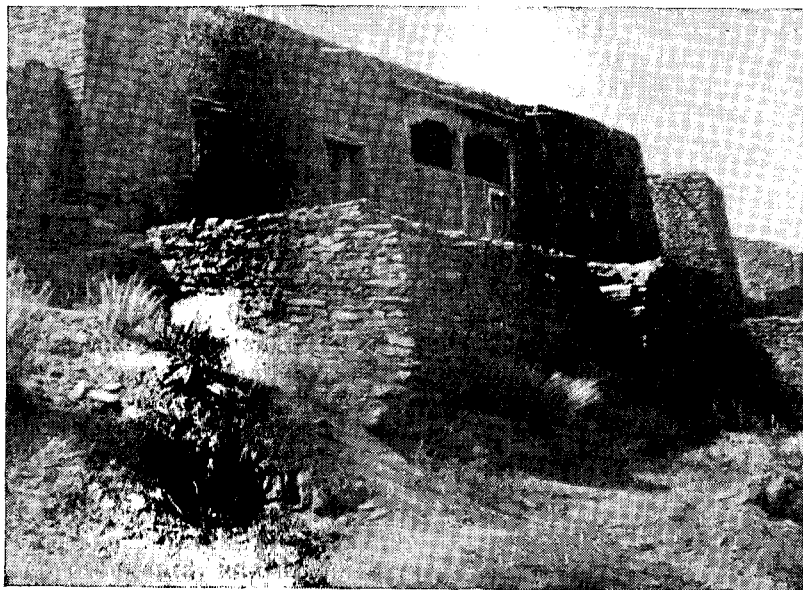

Рис. 4. Тип жилища пуратинских таджиков (селение Сентаб). Фото Г. П. Снесарева

В старых домах селения Эдж имелись большие квадратные в плане комнаты с центральным столбом и идущими по трем сторонам возвышениями типа суфы, называемыми здесь *арз*. Ширина этих возвышений не превышала 80—100 см; служили они не для сидения, а для складывания вещей³². Две высокие ниши, куда в новых домах складывают постели, называются здесь *мехроб*, в прошлом отсутствовали в домах горных таджиков и других районов.

В начале XX в. в этих горных кишлаках еще бытовали деревянные замки *галока*, которыми запирались одностворчатые двери домов³³.

После расселения по склонам ущелий дома стали просторнее. Нередко их строили по городскому образцу («по-бухарски», как говорят местные жители), с айваном посередине и двумя помещениями по его

³¹ В. Л. Воронина, Изучение архитектуры древнего Пянджикента, Труды Согдийско-таджикской археологической экспедиции, I, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 15, М.—Л., 1950, стр. 190—192.

³² О малом количестве ниш в домах древнего Пянджикента и о наличии возвышений вдоль стен см. В. Л. Воронина, Указ. раб., стр. 191.

³³ Описание деревянных замков см. М. С. Андреев, Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарья), в. II, Сталинабад, 1958, стр. 358, 362, 363.

сторонам (рис. 4). Для освещения служили два оконных проема по фасаду, закрываемые, как и двери, двустворчатыми резными деревянными ставнями типа *багдоди*. Зажиточные люди приобретали их в Бухаре. Из местных мастеров такие двери делал усто Ёшиузок из кишлака Эдж. Его работой являются и украшенные резьбой колонны айвана мечети в кишлаке Ухум (рис. 5).

В настоящее время в оконные проемы вставляют остекленные рамы. Дома отапливаются плитой с обогревателем, которую впервые здесь построил в предвоенные годы мастер-татарин.

В домах селения Эдж еще в начале нашего столетия огонь для обогрева разводили в углублении пола в центре помещения. Позже стало распространяться *сандали*. Очаг *оштон*, служащий, как у горных таджиков и в ряде других районов, одновременно для варки пищи и выпечки хлеба, находится в кухонном помещении. Очаг этот сооружается тем способом, который распространен в верховьях Кашка-Дарьи: из хорошо выдержанной глины делается на земле прямоугольная плита толщиной в два пальца. Когда глина начинает затвердевать, 5—6 человек ставят плиту на ребро, сгибают в полукруг и подпирают камнями. Когда глина полностью затвердевает, плиту освобождают от камней и досушивают. Затем ее вмывают в основание из камней и глины.

Устраиваемые отдельно от очагов тануры для выпечки хлеба в большинстве селений отсутствуют. Исключение составляют кишлаки Фариш, где тануры были издавна, и Эдж, где они впервые появились в 1935 г., когда один из жителей, Расул Назаров, вернулся в свой кишлак из соседнего узбекского селения Саукбулак, в котором умел некоторое время с семьей и где жена его научилась делать тануры.

В описанных домах живут обычно только в осенне-зимний период. На весну и лето одни переселяются в сады, а другие, работающие на фермах, перекочевывают на пастбища. Переселения, связанные с выпасом скота на сезонных пастбищах, расположенных недалеко от кишлаков, характерны для горных таджиков, что неоднократно отмечалось в литературе.

Жилища на пастбищах бывают следующих видов: *хиргоҳ*³⁴ — обычная решетчатая юрта. Она бывала раньше только у зажиточных людей. Интересно отметить, что не только войлоки и тканые полосы для нее, но и деревянный остов нередко изготовляли сами таджики. В се-

Рис. 5. Колонна мечети в кишлаке Ухум.
Фото Г. П. Слесарева

³⁴ Хиргоҳ — буквально «шатер», однако местные таджики этимологию этого слова выводят от *хайр гоҳ* — место [раздачи] милостыни. Изобретателем юрты считается Хатам-Тай (бедуин по имени Хатам из племени тай, который, видимо, через популярную на востоке книгу «Хатам-Тай-наме» вошел в фольклор народов Средней Азии), отличавшийся необыкновенной щедростью и построивший юрту для того, чтобы иметь возможность раздавать милостыню не только через дверь, но и через все отверстия решетчатой стенки юрты. Эта легенда записана Б. Х. Кармышевой в ряде местностей у полукочевых в прошлом узбеков и у каратегинских киргизов, которые считали Хатам-Тая пиром — покровителем мастеров по изготовлению юрт.

лениях Устук и Бузругабд были известны несколько мастеров-таджиков, которые делали каркасы юрт для продажи. Следует отметить, что среди терминов, обозначающих отдельные части юрты, встречаются и таджикские (например: *мионкаш* — веревка, опоясывающая юрту снаружи; *сарпуш* — войлок, закрывающий дымовое отверстие). Сейчас юрта почти вышла из употребления.

Алачик — шалаш, остов которого делается из гнутых палок, которые одним концом втыкаются в землю по кругу, а другим — соединяются вверху (при необходимости — с помощью добавочных палок), образуя полусферический купол, который покрывается войлоками или паласами, а в наши дни и брезентом; понизу купол опоясывается циновкой *чий*.

Чайла — такой же шалаш, но крытый травой.

Кадак — хижина, сложенная из камней без применения глиняного раствора, с крышей из веток, покрытых слоем земли.

Из камня же складывают хижину в саду — *хонача*, которая скорее служит кладовой, чем жильем, так как обычно едят и спят на суфе под деревьями.

Только для селения Фариш характерны еще два вида летнего жилища — *чортоқ* и *айвон*. Оба представляют собой прямоугольное в плане помещение без передней стены. У айвана стены паховые и плоская крыша, обмазанная глиной, а у чартака — стены и плоская крыша из высоких трав. У выхода Фаришского ущелья широкие луга с высокой травой (такие места называют *қўруқ*) и почва не каменистая. Это и позволяет сооружать строения описанного типа.

Из перечисленных видов временного жилища юрта и алачик, несомненно, заимствованы у окружающего кочевого в прошлом населения. Остальные виды более характерны для искони оседлого населения Средней Азии, а хижина из камней (*кадак*) специфична для горных таджиков.

Постоянное жилище таджиков Нуратинского хребта, как мы пытались отметить, имеет много общего с домами горных таджиков, в частности верховьев Зеравшана. Однако для определения его места среди типов таджикского народного жилища необходимо специальное изучение не только таджикского жилища этого района, но и узбекского, в частности оседлого жилища нуратинских туркмен. Замечание В. Г. Мошковой о том, что «Оседлые поселения этих туркмен (при наличии в самом недавнем прошлом и кочевых), размещенные в горных ущельях, производят впечатление древних обжитых культурных районов» и что «очень своеобразна местная архитектура жилых и хозяйственных построек, использующая главным образом камень как строительный материал»³⁵, говорит о давних традициях оседлой жизни и у тюркоязычной части населения Нуратинских гор. Об этом говорят и наличие кяризов в районе расселения нуратинских туркмен, и свидетельства письменных источников³⁶.

В материальной культуре таджиков изучаемого района проскальзывают черты сходства с туркменами. Так, например, у описываемой группы таджиков в прошлом основным видом обуви был *чоруқ* — традиционная обувь туркмен³⁷. Нам думается, что эти и еще некоторые другие элементы, сходные с туркменскими, — результат длительного об-

³⁵ В. Г. Мошкова, Этнографическая экспедиция к туркменам Самаркандской области, стр. 242.

³⁶ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 125.

³⁷ Г. П. Васильева. Туркмены-нухурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XXI, М., 1954, стр. 157. 174—175.

шения с нуратинскими туркменами, в культуре которых, несмотря на полное слияние с узбеками, все же сохранились некоторые черты туркменской культуры³⁸.

В материальной и духовной культуре отдельных таджикских кишлаков, наряду с большой общностью, наблюдаются и заметные различия. Неодинакова также степень влияния на них культуры узбеков и казахов. Последнее особенно ощутимо в кишлаках к северу от Моджурума. В Фарише, например, не было принято при подаче вареного мяса гостям ставить перед почетным гостем голову барана, а также делить тушу на 12 частей по числу крупных костей, а в других селениях этот казахский обычай соблюдался неукоснительно, как и приготовление таких казахских блюд, как *нарын* и *кулшетай*.

Следует отметить, что до этих отдаленных кишлаков доходило и влияние городской культуры Бухары, а через отходников проникали многие элементы быта населения Самарканда и его округи.

В наши дни влияние передовой городской культуры очень широко. В культурной жизни местных кишлаков чрезвычайно велика роль школы. В Сентабе имеется одиннадцатилетняя средняя школа, а в остальных селениях восьмилетние или начальные школы. В Сентабе в старших классах преподают учителя-таджики, окончившие университет в Самарканде. Специалисты сельского хозяйства, медицинские работники, студенты и, наконец, возвращающиеся из армии — все они деятельно участвуют в преобразовании жизни этих отдаленных на первый взгляд районов.

Для того чтобы дать анализ материальной и духовной культуры таджиков Нуратинского хребта и определить их место среди остальных групп таджикского народа, необходимо специальное изучение не только этой группы, но и всего населения Нуратинских гор и прилегающей пустыни. Нам думается, что эта территория представляет собой отдельную историко-культурную область, хотя и тесно связанную с Зеравшанской долиной, но все же обладающую многими своеобразными чертами.

SUMMARY

The author describes the small group of Tajiks who inhabit the central part of the Nurata Range, on the basis of materials collected in 1959–1960 by the Zaravshan party of the Central Asian Expedition organized by the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences.

So far as their anthropological type, their language and culture are concerned, the Tajiks of the Nurata Range have many features in common with the Upper Zaravshan Tajiks. The culture and life of the former was strongly influenced by their neighbours — the Uzbeks from the Nurata Range and the Kazakhs from Kyzyl-Kum.

Although the question of the ethnic origin of the Nurata Range Tajiks is complicated, there is no doubt that they sprang from the aboriginal Tajik population of the area.

³⁸ «Народное декоративное искусство советского Узбекистана», Текстиль, Ташкент, 1954, стр. 89 (раздел «Ковроделие», написанный В. Г. Мошковой).